

САРА АХМЕТОВА

И снится мне сон

Сара Ахметова

И снится мне сон

«Наш мир»

2026

Ахметова С.

И снится мне сон / С. Ахметова — «Наш мир», 2026

ISBN 978-5-908000-80-2

Сара Ахметова В Советское время окончила филологический факультет Кировского государственного педагогического института. Родилась в Оренбуржье. Пишу рассказы о том, что мне кажется интересным. Ни на какие звания не претендую, а просто пишу, что просится из души. Рассказ о моих родителях адресован детям нашего рода, прямым потомкам моих героев, чтобы знали свои корни. А если кому-то еще это покажется интересным, то я буду считать, что у меня получилось неплохо!

ISBN 978-5-908000-80-2

© Ахметова С., 2026

© Наш мир, 2026

Содержание

Пролог	6
История нелюбви	8
Отец	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сара Ахметова

И снится мне сон /

© С. Ахметова., 2026

Оформление Издательство «Наш мир», 2026

Пролог

Я пишу простые рассказы – о нас, об обычных людях.

Мои истории для тех, кто едет в электричке, в поезде, летит в самолете... Когда не ловит интернет, чтобы зависнуть в телефоне, пока есть время. А книжонка, вот она, с интересными житейскими повествованиями о том, что происходило реально. Ни одного сюжета я не выдумала. Все это было на самом деле. И сны тоже.

Сны – это наилюбопытнейшая вещь! Каждый обращает на них внимание, каким бы ни был он современным и продвинутым. Еще только вчера этот человек сказал бы: «Да что за бред вы несете?! Какие еще сны?! Вы действительно верите в эту чушь?» А сегодня он проснулся и под впечатлением приснившегося тихо листает сонник – «к чему бы это?..».

С вниманием к снам относились и до меня, и я в течение жизни поступала так же. И после того что приснилось мне накануне смерти матери, я твердо убедилась, что в этом что-то есть!

Прошло с того дня много-много лет, и однажды в электричке, следующей по маршруту Москва – Петушки, я наткнулась на книгу одного современного автора. Праздно листая страницы, я наткнулась на оглавление «Сны». «Так-так-так...» – подумала я и стала вчитываться.

Некоторые поразительные вещи я почерпнула из той главы. Таблицу химических элементов Менделеева опустим. Со школьной скамьи каждый ученик знает, что химику эта таблица открылась во сне.

Вызвал изумление следующий факт: оказывается, свойства молекулы ДНК американскому ученому Джеймсу Уотсону тоже явились во сне. Этот человек работал с данной темой много лет. Очень долго и мучительно искал формулу и никак не мог докопаться до истины. И вот однажды снится ему сон...

Будто бы перед ним взвились две змеи и переплелись друг с другом. Они стояли вертикально и пристально смотрели на ученого. От этого взгляда Уотсон проснулся и внутренним глубоким чутьем понял: что-то в этом есть... Ученый тут же перепроверил пришедшую во сне гипотезу, и оказалось, что вот оно... сон подсказал ему тайну генетического кода. Это было величайшее открытие для человечества, и за это ученый Джеймс Уотсон был удостоен Нобелевской премии.

Автор данной книги тоже всю жизнь присматривался к теме сновидений. У него на прикроватной тумбочке всегда лежала тетрадь, в которую он сразу после пробуждения записывал приснившееся. И автор утверждает, что сны улетучиваются из памяти, поэтому их нужно записать сразу. Такие дневники вели члены его семьи, его друзья и знакомые. Этот человек весь сознательный период жизни наблюдал, сопоставлял сны и реальность, после чего сделал следующий вывод:

«Толкование снов – это живой диалог с собственным подсознанием. Окунаясь в такой диалог, человек начинает понимать, что имеет связь с чем-то могущественным и безграничным внутри себя... До недавнего времени большинство людей в современном обществе не считали важным этот аспект человеческой психики, лишая себя связи с собственным внутренним миром. К счастью, теперь ситуация меняется и все больше людей стараются овладеть этим источником понимания собственного «Я». Сны наиболее интересны тем, что в них смешивается осознанное и неосознанное, когда образы повседневности сталкиваются со скрытой мудростью подсознания».

«Сны – не бессмысленный бред. Сны – это забытый язык человеческой расы. Содержащиеся в них странные символы и аллегории полны смысла, нужно только научиться их понимать. В течение многих лет, занимаясь толкованием собственных снов и проанализировав за

это время огромное количество сновидений, я могу с уверенностью сказать, что через сны с нами говорит высший разум».

Джон Кехо

Ничего себе, подумала я! И в памяти ожили мои собственные сновидения и сны, и рассказанные близкими людьми, и то, как они сопоставлялись с реальностью.

Мне это интересно, и, я уверена, читателю тоже.

Свои вещие сны я помню абсолютно все. Просыпаясь утром, лежу еще минут десять, прокручивая в голове то, что приснилось. Я научилась читать свои сны и пришла к выводу, что в каждом сне есть предсказание, но я мало кому говорю об этом – по понятным причинам.

История нелюбви

Отец

Как известно, казахи в дореволюционное время жили кочующими племенами, золотым фондом которых являлись отары овец и табуны лошадей. Родовую принадлежность к своим племенам они гордо чтут до сих пор, расплетая по ниточкам свое происхождение до седьмого колена.

* * *

Только что родившуюся девочку повитухи омыли соленой водой и, завернув в пеленку, подсунили под грудь старшей жены Аралбая. Она полгода как кормила грудью маленького сынишку, молока у нее было в изобилии. Сердце кормящей матери сжималось от жалости к осиротевшему ребенку, и женщина, ласково обняв девочку, приложила ее к набухшей груди. Та с первой секунды цепко схватила сосок. «Ух ты какая! – улыбнулась кормилица. – Сильная будет девочка!»

Весь клан был глубоко тронут смертью молодой жены хана. Он взял ее шестнадцатилетней хрупкой девочкой, любил ее безумно, не мог налюбоваться ее красотой и носил на руках.

Аралбай – крупный, известный в казахской степи торговец, ходивший по Великому шелковому пути. В его владении огромные территории казахских степей. Его соплеменники живут, занимаясь скотоводством, кочуя по просторам за стадами, а сам Аралбай с торговым караваном ходит в Китай и Монголию, чем и содержит свою семью, состоящую из четырех жен и детей, а также весь свой родовой клан.

Старшая жена родила Аралбаю двоих сыновей. Младшая, любимая жена, сегодня подарила ему девочку, а сама не выжила. До заката ее похоронят, а девочку будет растить первая супруга по имени Амангыз.

Аралбай вошел в юрту, взял на руки свою осиротевшую дочку – плод горячей и страстной любви. Он осторожно прижал ее к груди и вышел. Из глаз мужественного воина потекли слезы, он оплакивал свою женщину, которую не успел долюбить. Он всматривался в лицо малышки, пытаясь уловить любимые черты ее матери.

«Какую долю уготовил тебе Аллах, если с первой минуты отнял у тебя материнские руки?! – Аралбай даже не пытался вытирать слезы, которые лились ручьем по скуластому лицу. – Я буду любить тебя за двоих, кызым!» – шептал отец своей крошке, вдыхая молочный запах младенца.

У этого мужчины было четыре жены, но девочку больше никто так и не родил. Рождались одни мальчики. Для казахского племени это было хорошо, много сыновей – большая сила рода, мощный выживаемый потенциал.

Девочку назвали Токий. Росла она немногословной, брови ее с детства были нахмурены. Суровый характер проявлялся с ранних пор. Острый взгляд, как две сверкнувшие молнии, выдавал бушующий в душе темперамент. Она могла петь и танцевать без усталости, но, если вдруг по какой-то причине дочка Аралбая впадала в гнев, она без объяснений кидалась в драку, не разбирая, кто ее противник.

– Вся в меня! – смеясь, приговаривал отец, наблюдая за поведением любимой дочери. Он был для Токий единственным авторитетом. Как ни пытались жены приучать дочку к женским

обязанностям, она убегала от мамок и неслась верхом всюду за отцом, а тот, довольно улыбаясь, брал ее с собой то на дальние пастбища, то на ближние базары.

С раннего детства Токий самостоятельно стреножила и седлала свою черную молодую и ретивую кобылицу. Подрастая, она научилась держаться в седле, как настоящий джигит. Токий метко стреляла из отцовской винтовки и запросто управлялась с охотничьим ружьем. Повидавший виды отец научил ее метать нож из любого положения. Аралбай сам любил холодное оружие и виртуозно им владел, и дочка переняла от отца эту страсть. В метании ножа ей не было равных даже среди парней. Так дочка и выросла рядом со своим отцом, настоящим степным воином, не страшась ни морозных ветров, ни испепеляющего зноя, ни лютого зверя, ни злого человека.

Токий повзрослела, и в ней стала проявляться порода. Она была статная и на редкость высокая. В своих длинных черных косах девушка носила вплетенные атласные ленты со множеством настоящих серебряных монет. Богатый отец щедро одаривал свою любимую дочь драгоценными украшениями именитых китайских мастеров. Одно кольцо необыкновенной красоты из чистого серебра дошло и до моих дней.

К дочери хана Аралбая сватались женихи из авторитетных кланов, но без согласия Токий отец не хотел отдавать замуж свою любимицу.

Красавец юноша, завидный жених из богатого рода, высокий и голубоглазый казах по имени Жанарбек, хотел взять в жены Токий. Как Аралбай ни уважал представителей того племени, но пришлось отказать, потому что дочь отвергла их предложение, не задумываясь. Девушка держала глубоко в тайне свою симпатию к одному парню. И однажды, когда в их юрту вошел местный мулла со сватами, Токий, вдруг услышав имя – Ахмет, опустила голову и неожиданно для отца дала согласие.

* * *

Старый мулла один воспитал троих сыновей, его жена умерла молодой. Он так и не женился до самой старости. Его детищем было медресе (школа), которое он открыл по собственной инициативе еще в конце девятнадцатого века. Мулла на свое усмотрение набирал способных к учению мальчиков. Их было человек семь, в том числе три его сына. Он обучал этих детей математике, арабской и русской письменности, изучал с ними священную книгу Коран.

Младший сын муллы Ахмет рос тихим и послушным мальчиком. Когда умерла его мать, он погрузился в обучение. С огромной охотой юноша осваивал науки, и отец, наблюдая это, готовил его на свое место.

Старшие, Калтайбек и Манатбай, к наукам не тяготели. Первый, взяв в жены хорошую девушку, на всю жизнь остался в родном ауле. А когда Манатбаю исполнилось шестнадцать, отец отправил его в казачий поселок Новоорск обучаться ремеслу сапожника. Парню это дело пришлось по душе. Он, овладев мастерством обувщика, недолго поработал подмастерьем у своего учителя и по совершеннолетию выгодно женился на дочери местного лавочника, построил дом и благополучно остался в том поселке. Жили они со своей супругой, ни в чем не зная нужды, но вот только одно их печалило – Аллах не дал им детей!

* * *

Ахмет впервые увидел свою невесту, когда во время свадебного тоя ей открыли лицо (древний ритуал называется беташар). Красотой лица его будущая жена не отличалась, но взгляд ее был прямой и глаза вместо женственного смущения излучали силу и стойкость. Старый мулла обратил внимание, что нравом будущая его сноха потянула в отца, сурового и власт-

ного, умного и сильного, порою нетерпимого к слабостям, и жестокого. «Моему скромному сыну надо именно такую!» – подумал будущий свекор.

Отгремел казахский той, Ахмета и Токий поженили.

А в это время где-то далеко грянула Великая Октябрьская революция, но никто даже и предположить не мог, чем это обернется для степных народов.

«Посмотрим», – думал старый мулла и степенно продолжал свое дело в мечети.

Женив своего младшего сына, постаревший мулла в своих мыслях рассуждал так: сейчас он потихоньку будет приобщать парня к религиозной мусульманской стезе и передаст ему место на минарете. Таким образом, жизнь последнего его сына безбедно будет устроена и отцу можно уходить на покой.

Так и сложилось. Когда старому мулле пришлось время покинуть этот мир, младший сын занял место своего отца в неполные двадцать лет. Молодой служитель религии отличался кротким нравом. Это был скромный, интеллигентный и читающий человек. Верная супруга рожала каждый год, таким образом, в их семье образовалось шестеро детей. Старшим был сын Кумакбай, первенец, любимец. Так родился наш отец. Его так называли, а в документе было вписано имя – Кумай. Почему так, никто объяснить не берется. Первое имя, возможно, было посвящено реке Кумак, которая протекала по тем местам и своими водами дала жизнь не одному поколению казахов. Эта речка до сих пор бежит посреди степи и в летнюю жару манит детей своей чистой и холодной водой. Ребятишки по сей день добираются до скалистого берега Старой Шестой на велосипедах и плещутся до посинения, называя ее – Кумачка.

Откуда взялось имя Кумай, теперь уже спросить не у кого. Возможно, это просто описка, а возможно, это связано с древней красивой легендой о птице Кумай, которая реально обитает и поныне в недоступных вершинах Тянь-Шаня.

Легенда гласит, что степная орлица огромных размеров в белоснежном оперении снесла ровно двенадцать яиц и бережно высидывала их на вершине самой высокой горы. Однажды крылатая красавица улетела в поисках пищи. Как только она удалилась, до яиц добралась змея и съела все до одного, оставив лишь скорлупу.

Возвратившись, птица Кумай с ужасом обнаружила свое разоренное гнездо! В отчаянии она взмахнула огромными белоснежными крыльями так, что закрыла собою солнце. Мир погрузился во тьму. Птица Кумай заплакала над своими неродившимися детьми, и ее слезы обрушились дождем в мир людей. Птица от горя не могла остановиться, и вода затопила землю.

Вот такая легенда из уст в уста передается с древних времен от казахских степей до самых дальних гор Тянь-Шаня. Имеет ли она отношение к имени нашего отца, неизвестно.

* * *

У Ахмета и Токий после сына Кумая родились еще пять девочек. Нуржамал – старшая, а самая маленькая – Назира. Так они и жили в своей аккуратной глинобитной землянке, что стояла на самом берегу Урала.

Медресе, которое создал старый мулла, продолжало успешно существовать. Руководство школой так же, как и мечеть перешло к Ахмету. Бывшие ученики выросли, на их место пришли новые способные к учению казахские мальчишки. Сын старого муллы так же, как и его отец, обучал местных ребятишек грамоте. Он на ранней заре призывал людей к молитве, для этого ему приходилось каждое утро пройти сквозь весь аул, что тянулся длинной лентой до самой мечети. Люди с уважением приветствовали молодого муллу, а он в ответ посылал им добрые пожелания. Молодой учитель думал, что он так и будет каждый день ходить по этой дорожке и мирно воспитывать своих детей до самой благородной старости. Но... волны Великой Октябрьской социалистической революции дошли до наших степей и начали крушить и переворачивать все, что до этого казалось незыблемым и вечным. Менялась эпоха с треском

переламинающихся хребтов. В Петрограде большевистское правительство приняло декрет «О ликвидации безграмотности». Представитель совнаркома с этим указом добрался до казахских территорий. В округе всем было известно, что молодой мулла обучает ребятишек грамоте, и власти именно к нему направили столичного гостя.

Ахмет встретил приезжего, как положено, и вдумчиво изучил предлагаемое. Молодому мулле отозвалась в душе идея о всеобщей грамотности. Наконец-то его народ пойдет по пути цивилизации. Каждому казаху откроются двери к учению. Не единицам, а каждому! Ахмет вдохновился этой идеей и дал согласие.

Так он стал одним из первых советских учителей Казахстана.

* * *

Начались страшные бесчеловечные годы революционного разлома. Большевики повсюду устанавливали советскую власть. Таким образом, дошла она и до территорий казахской степи, где испокон веков хозяйствовали ханы и баи. Свою власть отдавать в руки вчерашней нищеты они не собирались. Большевистская гвардия наделала ряд роковых ошибок, чем вызвала великий голод и тотальное вымирание степных народов. Кто мог, тот бежал от творившегося бесчинства кто в Китай, кто в Монголию, кто куда. А те, что остались, в полной мере хлебнули горя.

Новая власть жестко устанавливала свои порядки, игнорируя мнение населения. Народ, имеющий свой национальный традиционный уклад, веками привыкший жить по своим законам, бурно протестовал и массово уходил в степи от новой власти. Но были и те, кто с охотой принял идеи Ленина и новый порядок. Ахмет был одним из них. Народ Казахстана поделился на две противоборствующие половины. Началось кровопролитие за власть.

Простые люди в отчаянии обращались к Ахмету с разными вопросами, и он должен был им что-то отвечать. Наперекор власти большевиков он проводил традиционные религиозные обряды, призывал людей к молитве и так же, наперекор приверженцам старого режима, призывал трудиться во имя светлого советского будущего. Он беседовал с людьми, разъяснял, что нужно объединяться в колхозы, что при коллективном образе жизни не будет голодных и нищих, а также легче будет соблюдать законность против байского самодурства, ведь простому бедному степному человеку порой было нечем защититься от беспредела богатого хозяина, которому закон не писан.

«Аллах высоко, царь далеко, а хозяин здесь – я!» – таков был основной закон в степи.

Власть Советов начала на территории Казахстана строительство социализма. Молодой учитель искренне поверил в идеи Ленина и стал одним из активных деятелей построения новой справедливой жизни. Такая позиция учителя вызывала агрессию вчерашних баев. Ахмет все чаще слышал угрозы, но упорно пропагандировал свою точку зрения. Никто не ожидал от этого тихого и скромного человека такой твердости и бесстрашия. Он знал, что рискует, но, встав однажды на эту дорогу, уже решил идти до конца.

Своей жене Ахмет дал наказ:

– Если со мной что-то случится, иди в Новоорск. Там живет мой брат Манатбай. Во всем поселке он единственный сапожник, спроси, любой тебе скажет. Брат поможет тебе вырастить детей.

В ответ Токий хмурила брови:

– Давай возьмем детей и уйдем в Китай, как мои родственники. Они давно нас зовут. Ведь оставишь меня вдовой, а детей – сиротами! Зачем тебе эта борьба? Или давай переедем в район!

На это муж отвечал спокойно:

– Как я уеду? Все люди на меня смотрят, верят мне... Как я их брошу? Здесь похоронены наши с тобой родители! Мы не должны бежать со своей земли!

* * *

Однажды, когда его единственному сыну Кумакбаю исполнилось одиннадцать лет, старший брат сам посетил землянку Ахмета. Манатбай въехал в аул на собственной повозке. Местные ребятишки, издали завидев чужака, окружили телегу и с любопытством наблюдали, как гость достает подарки для односельчан. Все говорило о том, что приехал не бедный человек, он привез полную арбу дорогих гостинцев не только для близких родственников, но и для односельчан, ведь он родился и вырос в этом ауле.

В дом муллы потянулись близкие и друзья. Прямо на землю во дворе дома расстелили ашжаулык (это с казахского – скатерть).

Той (праздник) в честь приезда брата длился почти до утра, и, когда гости разошлись, три родных брата, несмотря на поздний час, сели пить казахский чай. Полушепотом братья взялись увещевать Ахмета за его жизненную позицию. Призывали подумать о детях, жене, братьях. Предлагали уехать подальше. Ахмет реагировал молча, потому что теперь отказаться от указаний Совнаркома было далеко не просто. Мулла оказался между двух смертельных огней, один другого страшнее.

– А ведь я приехал кое о чем другом тебя просить, – помедлив, заговорил брат из Новороска.

– Ну говори, я тебя слушаю, – ответил Ахмет.

Манатбай, заходя издалека, озвучил настоящую причину своего приезда:

– Ахмет, твой сын – твой продолжатель рода, ты подвергаешь его опасности. Чтобы его уберечь, я предлагаю вот что. Каждому известны обычаи нашего народа. У тебя шесть детей, у меня – ни одного. Я живу сытно, тебе живется тяжело. Даже если бы у меня были бы свои дети, я обязан был бы тебе помочь. Я хочу взять на воспитание твоего первенца. Ты не волнуйся, он будет жить в достатке, ни в чем не зная нужды. Я дам ему хорошее образование, выращу его достойным человеком, обещаю!

Токий заплакала. На лице этой молодой женщины никто никогда не видел слез, но расставание со своим ребенком ей было невыносимо. Она хорошо знала вековые традиции казахского народа, поэтому не спорила и не просила ни о чем. Ахмет сочувственно глянул на жену и, жалеючи, ласково обнял ее.

– Женщина, подумай головой, а не сердцем. В семье моего брата он обретет иную судьбу, чем в нашей степи. И для него так будет безопаснее. Мы будем часто его навещать, не плачь, жаным (душа моя). Пусть едет. Таково мое решение.

Манатбай обратился к Токий:

– Не печалься, келин (сноха). Я клянусь, что твоего сына никто и никогда не посмеет обидеть. Он будет сыт и доволен. Ни одной слезы не прольет этот ребенок, пока я жив.

На том и порешили.

Сын, обнимая мать на прощание, не плакал. Его сознание было взбудоражено вдохновенными мыслями о ярком и захватывающем будущем.

Старший брат, прощаясь с Ахметом, прошептал ему на ухо:

– Я волнуюсь за твою судьбу. В последний раз прошу, не слишком ли ты уперся в своих идеях?!

– Брат, назад дороги нет. А если со мной что-то произойдет, обещай мне, что не бросишь мою семью в голоде и одиночестве.

– Обещаю! Но и ты береги себя. Еще раз хорошо подумай!

Манатбай сел в свою телегу и, присвистнув, взмахнул плеткой. Молодая откормленная лошадка, отдохнувшая за ночь, резво потянула за собой повозку. Мальчишка, сидя в арбе, улыбаясь во весь рот, махал рукой своим родным, пока те не скрылись за холмом.

Дядя привез Кумая в Новоорск. Здесь все было по-другому. Вместо юрт и мазанок стояли каменные дома, некоторые были двухэтажные, мальчишке все это было в диковинку. Кроме казахов было много русских, их языка подросток тогда еще не понимал. В обувной мастерской дяди он с любопытством рассматривал инструменты и прочие принадлежности. Тут непривычно пахло клеем и дубленой кожей. Жена Манатбая была намного моложе своего мужа. Она казалась совсем девочкой, почти ребенком. Добрая и застенчивая девушка всею душой любила племянника, будто это был ее то ли родной братишка, то ли родной сын. Она покупала все, что мальчику хотелось. Он действительно ни в чем не знал отказа. В какие-то часы по необходимости Кумакбай с удовольствием замещал свою вторую мать за прилавком, где новые родители продавали собственного пошива кожаные масэ, это сапожки без твёрдой подошвы, поверх которых надевались калоши.

Манатбай отдал мальчика в районную школу – семилетку, там его посадили сразу во второй класс, так как он уже был обучен азам грамоты. Маленький казах оказался незаурядно способным, учился с интересом, и науки ему давались легко. Кроме того, среди сверстников парень выделялся лидерскими качествами, иногда выражающимися агрессией. Он добивался своего любой ценой, даже если дело доходило до кулаков. Со школьной скамьи парень привык быть в числе первых и лучших.

* * *

Токий и Ахмет остались в степном ауле с пятью дочками. Старшей, Нуржамал, было девять лет, за ней шли все погодки. Токий вела домашнее хозяйство и смотрела за детьми, иногда ходила к своей подруге Айбике на чаек. У той девушки не было своей семьи, она ухаживала за больным отцом. А жила подруга у самой мечети.

Токий в полдень собирала в узелок немудреную пищу. Молоко в глиняном горшке, каравай свежеепеченного хлеба, вареные яйца и тонко нарезанные куски вяленой конины. Маленькие дочки стайкой бежали за матерью вдоль улицы, чтобы отнести обед отцу, который целыми днями был занят в мечети и строящемся здании Ликбеза. Молодая жена приносила еду на всю бригаду, чтобы накормить каждого работника.

Пока молодые строители обедали, супруги садились в тени на глиняную завалинку и вполголоса обсуждали свои семейные дела. Девчонки бегали и играли вокруг мечети, внутрь заходить без надобности им не разрешалось.

Немного посидев с мужем, Токий поднималась:

– Ну ладно, пусть дети около тебя побудут, а я зайду к Айбике, поболтаю о том о сем. Может, сходим на Урал, искупаемся.

Ахмет по-доброму отпускал свою жену к подруге, чтобы та могла отвлечься от бесконечных домашних хлопот, а сам принимался играть со своими дочками. Те любили отца за кроткий характер, за мягкое отношение к ним. Свои секретики девчонки больше доверяли отцу, а строгую мать они побаивались.

Токий, перешагивая порог, приветливо поздоровалась с больным мужчиной:

– Здравствуйте, Турсун-ага! Как ваше здоровье? – спросила, улыбаясь, гостя. Старик ответил сокрушенно:

– Что говорить о моем здоровье... Лучше скажи, как вы поживаете? Как идут дела у Ахмета? Здоровы ли дети? – перечень таких вопросов – это обязательный ритуал у казахов, который положено блюсти при встрече.

– Слава Аллаху, все хорошо. Мой муж передает вам самые добрые пожелания и молится о вашем исцелении каждый день, – отвечала Токий.

– Спасибо ему, конечно, но я молюсь каждый день о своей достойной кончине! – со вздохом произнес Турсун.

– Отец, прекратите, пожалуйста, говорить об этом. Мы стараемся вас вылечить, а вы... – с обидой в голосе вставила фразу Айбике.

– Девчонки, не обращайтесь на меня внимания, я старый больной ворчун. Достань, Айбике, из сундука конфеты и попейте лучше чайку, а обо мне нечего и говорить. Я пережил множество кровавых схваток, но почему я не погиб, как настоящий батыр, в бою, а Аллах уложил меня в кровать! Не хотелось бы мне так умирать. Я хочу уйти достойно, как мужчина, как воин, каковым я являлся всю жизнь, – ответил он дочери.

Дочка тихо заметила:

– Опять он за свое... Вы повоевали в своей жизни достаточно! Не торопитесь туда, пожалуйста.

– Нет, кызым, человек не может жить вечно, каждый умрет рано или поздно, но вопрос в том, как... Я всегда думал, что смерть приму в бою, а не как больной, немощный и никчемный старик. Молю Аллаха лишь о том, чтобы он дал мне такую возможность и после смерти обо мне сказали бы – «он погиб с оружием в руках», а не «он умер, лежа в постели», – отводя взгляд к стене, проговорил отец, о чем-то размышляя про себя.

– Турсун-ага, идемте пить чай! – окликнула Токий в попытке остановить грустные мысли старика. – Я принесла горячий хлеб и лично для вас горстку кураги, говорят, это очень полезно, – перевела тему Токий.

Айбике поставила пиалки и серебряными кусачками наломала кусковой сахар. К чаю непременно подавался курт, это сушеные кусочки соленого творога. Токий засунула в рот такой ломтик, и две подружки в компании больного отца принялись чаевничать.

Между молодыми женщинами была добрая и искренняя дружба. Токий помогала одинокой девушке, ведь той с больным отцом приходилось тяжело. Айбике тоже в свою очередь всячески поддерживала Токий. Каждый день жена муллы приносила для них каравай хлеба. Иногда в летнюю жару две подруги шли к берегу Урала и, спрятавшись от чужих глаз за двумя огромными круглыми валунами, купались в холодной воде реки. Освежившись, они садились в тень от тех каменных валунов и душевно болтали. Откуда взялись тут эти круглые камни с человеческий рост, никто не знал. Они всю жизнь тут лежали, возможно, и сейчас, спустя сто с лишним лет, они там. Девушки, прячась от жгучего солнца, садились в тенечек и полупешотом болтали, чисто по-женски посмеивались, обсуждая пикантные новости из жизни аула.

На обратном пути собирали в подолы кизяк (сухое топливо для печки) и возвращались к повседневным заботам.

* * *

Прошло горячее лето. Уже поздняя осень, она, как нелюбимая жена, безжалостно хлестала унылую степь промозглыми дождями. По утрам иней покрывал жухлую траву. Приближалась зима.

Токий встала до рассвета, затопила печку, на керосинке вскипятила чай для мужа, ведь Ахмет до зари уходил в мечеть. Супруги, умывшись, тихо позавтракали.

После ухода мужа Токий закрыла за ним дверь на крючок. В маленькое окошко уютной мазанки мелко царапался осенний дождик. Надо бы идти к скотине, но ненастная погода так

и толкала обратно на теплую подушку. Женщина секунду помедлила, раздумывая, и все же шагнула к теплой постели: «Посплю еще чуток», – подумала она, засыпая.

И снится ей сон...

Будто зима... Метель, не видно дороги. Они вдвоем с мужем куда-то идут сквозь буран. Тут Токий обращает внимание на то, что она босая, а супруг совсем голый. Им наперерез бежит какая-то женщина в красивом платье и белом платке, она на ходу хватается Ахмета за руку и тянет его прочь. Токий кричит:

– Эй! Стой! Куда? Ты кто?!

Женщина оборачивается и отвечает:

– Ты не узнала меня? Я – твоя мать!

– Ты давно умерла! Ты мертвая! Не трогай моего мужа! У нас шестеро детей! Оставь его! – Даже во сне Токий охватила жуть. Она будто зовет своего мужа:

– Ахмет! Куда ты? Вернись! – А муж будто молча стоит к ней спиной и не оборачивается.

– Отпусти его! – изо всех сил кричит Токий, обращаясь к той женщине.

– Кызым, смотри, какой у меня для тебя есть подарок. – Женщина в платке протянула своей дочери зеркало в красивом обрамлении. Токий взяла будто его в руки, взглянула и резко отпрянула. В зеркале отобразилось лицо ветхой старухи. Оно было страшное, вдоль и поперек испещренное сухими потрескавшимися морщинами, а голова была лысая, лишь какие-то редкие растрепанные пряди седыми нитями свисали на плечи. В ужасе Токий вскрикнула и проснулась.

Сердце колотилось. В голове лихорадочно забилась мысль: «Ой, какой плохой сон, о Аллах, что-то будет...» Удушающая тревога встала в горле комом. Она подошла к спящим детям, зашептала молитву, поправляя на них курпе (одеяла из овечьей шерсти). Сунув ноги в калоши, Токий отправилась в сарай, пытаясь справиться с плохими мыслями.

Этот сон она потом вспоминала всю жизнь, выстраивая в памяти события, разделившие ее жизнь на до и после.

* * *

Шли смутные тридцатые годы двадцатого века. Уходя от навязываемой большевистской власти, бывшие хозяева казахской земли углублялись в бескрайние степи, объединялись с другими подобными группами, формируя басмачество. За свою власть вчерашние богачи начали битву не на жизнь, а на смерть. Во время ночных набегов басмачи безжалостно карали всех, кто хоть мало-мальски был связан с большевиками.

От ненависти к советской власти басмачи сжигали людей живьем в их юртах, подвергали смертным пыткам, не жалея ни стариков, ни детей. Бывшие баи, как озверевшие, мстили своим недавним батракам за то, что те подчинились новой власти и не захотели встать в ряды защитников старой жизни. Эти группировки были хорошо вооружены, поскольку были частью организованной армии. Басмачи нападали ночью внезапно, чтобы казнить приверженцев нового порядка. Старались это делать публично и с восходом солнца под топот копыт исчезали за горизонтом, ускользая от наказания.

В одну из таких ночей беда все-таки пришла в дом Токий. Чего она боялась больше всего в жизни, то и случилось.

* * *

Ахмет с утра и до поздней ночи трудился то в школе, то в мечети. С ним рядом всегда был друг детства – Амантай, который теперь исполнял обязанности председателя колхоза. Родной брат муллы Калтайбек и еще несколько молодых ребят по собственному желанию вошли в

команду активистов. Они поддерживали друг друга во всем и держались кучкой. Власть выделила материалы для обустройства школы, потому что существующее медресе при мечети становилось тесным. Друзья молодого учителя своими руками сооружали дополнительное помещение, Ахмет был в их числе с молотком в руках. Все свое время, свободное и несвободное, он посвящал школе, даже учебные принадлежности муллы частенько покупал на собственные средства, чем вызывал упреки жены.

Токий по заведенному режиму принесла обед строителям и, взяв мужа за руку, с тревогой в голосе шепнула ему на ухо:

– Ахмет, мне приснился плохой сон. Чую, случится что-то нехорошее! Жаным, давай уедем в район, мне страшно. – Слезы полились из глаз жены. – Вот увидишь, случится беда! – Жена затряслась, закрыв ладонями лицо.

Ахмет мягко обнял жену за плечи, ее мелко колотило.

– Успокойся, алтынэм (моя золотая), все будет хорошо. Мы уже не раз это обсуждали. Зайди в мечеть, сядь в уголок и почитай молитвы. Чему быть, душа моя, того не миновать. Аллах все управит, как должно быть, – таков был его ответ.

Чуть позже Токий зашла к Айбике и за чаепитием рассказала ей свой сон.

– Уходить тебе надо! – произнес Турсун-ага, с трудом поднимаясь со своей лежанки, которая представляла из себя грудку овечьих шкур, выложенных в стопу на земляном полу. – Брать детей и уходить в Новоорск. Там милиция, там тебя, как жену учителя, всегда защитят. Если Ахмет хочет, пусть остается, а тебе надо думать о детях. Если придут басмачи, они не пощадят ни тебя, ни твоих детей.

Токий, помолчав немного, озвучила свое решение:

– Завтра отвезу детей к Манатбаю, а сама вернусь сюда. Ахмета не оставлю одного.

Но она не успела осуществить задуманное.

* * *

Ряды школьников пополнялись. Ахмет на самой заре призывал к молитве с минарета, затем шел в школу и с утра учил детей. Вечером классы наполнялись взрослыми, которые тоже учились с удовольствием, посмеиваясь друг над другом. Маленькое помещение уже не вмещало в себя всех желающих. На носу была зима. Ноябрь напоминал о себе утренней изморозью и тонким ледком на Урале. Ахмет, отпустив учеников, присоединился к своим соратникам, которые делали самую черную работу, чтобы успеть до снега. Они на костре грели воду, босыми ногами месили глину с соломой, добавляя туда навоз. Из этого месива делали саман (большие кирпичи) – строительный материал для дополнительного помещения. Хотелось доделать работу сегодня, чтобы завтра приступить к новому этапу.

Айбике накормила отца ужином и пошла во двор закрыть на ночь скотину. Турсун, лежа в тишине, вдруг почувствовал, как вздрагивает степь. «Топот копыт!» – подумал Турсун. Он скатился с лежанки и настороженно приложил ухо к земляному полу юрты. Приближающийся топот слышался отчетливо. Качаясь, Турсун поднялся и пошел к выходу.

– Айбике, беги предупреди жену учителя, сейчас в ауле будут басмачи, чтобы уходила с детьми. Беги быстрее ветра! А я здесь их отвлеку.

– Да с чего ты взял?! Тихо вокруг.

– Я сказал, беги как молния!

Айбике торопливо накинула на голову темный платок, чтобы в ночи ее не было видно, и с оглядкой задами побежала на окраину аула, где на берегу Урала подвергалась смертельной опасности ее подруга с детьми.

* * *

Процесс стройки затянулся допоздна, на небе уже появились первые звезды, когда слышался дальний глухой топот копыт. Строители переглянулись, тревога блеснула в их глазах.

Все поняли: это – басмачи! Через мгновение к топоту добавились свист и гортанные вопли. Орава степных убийц неслась во весь опор, вздымая кверху винтовки. Они ворвались в аул и напрямки направились к школе, как будто знали, что там как раз все, за кем они пришли.

Селение в страхе замерло.

Завидев издалека группу учителя, всадники, торжествуя перекрикиваясь между собой, стали окружать команду строителей. Бандиты злорадствовали от собственного превосходства над кучкой безоружных людей. Предводителя басмачей, маленького и сухонького старика, рвачи пропустили вперед. Он выглядел уставшим, его мудрый взгляд остро прошел по каждому из окруженных. Вожак поднял руку, и все замолкли. Говорил он тихо и медленно, как будто нехотя.

– Ассалам уалейкум, строители социализма! Я смотрю, вы все в сборе! И учитель, и его подпевалы тут. А вы, юнцы, что здесь потеряли? Тоже строите коммунизм?! Затуманил учитель вам мозги... Привел вас сюда на верную гибель. Вам сегодня всем придется уйти в мир иной. Аллах вам судья, вы сами выбрали такой исход. – Старый командир наклонил голову и стал молча наблюдать, как его головорезы, нагло усмехаясь, гарцуют вокруг обреченных. Ночной воздух наполнился запахом перегара. Басмачи были пьяны. Они дико хохотали, передавая друг другу косяк с анашой.

– Ну что, учитель... Ты так и не выбрал между Аллахом и Лениным?! – выкрикнул сухопарый красавец, с ненавистью глядя на кучку окруженных. – Я сегодня лично своими руками покончу с твоими кутятами, а твою жену увезу в степь и сделаю своей наложницей. – Толпа пьяных всадников издевательски загоготала.

– И мой сосед здесь, – продолжал красавчик. – Ну здравствуй, Амантай. А помнишь, как ты ходил в рваных штанах, и моя мать отдала тебе старые дедовские портки... А?... Помнишь, голодранец? – Пьяные басмачи взяли в кольцо кучку небооруженных людей.

Старый предводитель прервал злую речь молодого басмача.

– Помолчи, Жанарбек!

Он вновь обратился к пленникам, каждое слово произнося неспешно и отчетливо.

– Вы предали законы наших предков, надеюсь, вы это понимаете. Вы предали казахский народ, продав наши обычаи какому-то русскому Ленину. Вы думаете, вы нужны ему?! За что вы кладете свои головы?! Сегодня вся ваша порода будет стерта с лица земли в науку остальным. В живых не останутся ни жены предателей, ни их дети. Вас предупреждали, что из-за большевистских идей вы погибнете, но вы упорно продолжали идти против нас! Теперь не обижайтесь!

– Хамза, Аскер, приступайте! – в голосе атамана обозначились нотки холодной жестокости. – Жен и детей этих неверных тащите сюда, будут здесь публично казнены, а жилища их сжечь дотла!

В этот миг красавчик Жанарбек вдруг захрипел и, выкручиваясь, повалился из седла. Из его горла торчала рукоятка ножа. Басмачи встрепенулись от неожиданности, воинственно загалдели и задержали удила.

В следующий миг с противоположной стороны сухо и хлестко ударил выстрел. Лошадь Хамзы, выкатывая глаза, вздернулась на дыбы, и всадник сполз назад, вздымая руки. Следом за ним безжизненно повалился еще один всадник. В группе басмачей началась паника. Старый главарь, пригнув голову, осторожно отодвинулся в тень.

Вдруг из темноты раздался голос больного старика:

– Эй! Убийцы! Я здесь! – Лунный свет обозначил силуэт с ружьем. Это был отец Айбике. Он, больной, собрав последние силы, поднялся со своего ложа, чтобы помочь невооруженным ребятам у школы и молодому учителю, к которому испытывал глубокое уважение. Больной мужчина осознанно пошел к своему последнему шагу на этой земле: «Аллах услышал мою молитву, хвала Всевышнему, он предоставил мне великую возможность погибнуть в бою», – шептал себе Турсун, заслышав пьяные выкрики убийц. Старик поднялся на ноги, снял со стены ружье, зарядил его и шатающейся походкой вышел к мечети.

Встав в укромное место, он выпустил два патрона из своего охотничьего ружья и сразил наповал двух басмачей, тем самым отвлек на себя внимание. Этим он спас несколько молодых жизней, которые, воспользовавшись паникой, спрятались в темных лазейках, которые знали только они. Турсун шагнул из тени, чтобы его увидели, и громко окликнул бандитов. Те остервенело кинулись к нему, кто-то накинул на больного стрелка веревку и дернул, чтобы привязать к своему седлу. Такой вид смертельной пытки басмачи использовали против своих врагов. Но им не удалось насладиться местью. Сердце больного старика остановилось прежде, чем веревка коснулась его шеи.

Этот человек погиб, как и мечтал, достойно дав свой последний бой. Его уже мертвое тело лохматый басмач поволок на веревке по ночной дороге, победоносно гикая. Вдруг ему в спину откуда-то хлопнул выстрел. Лохматый дернулся и безжизненно завалился на гриву коня.

– Да мать твою... Кто там стреляет?! – хрипло ругнулся атаман и из своего убежища дал команду: – Найти и разорвать на куски! – А сам предусмотрительно углубился в тень. Головорезам стало не до смеха. Не понимая, что происходит, и пытаясь обнаружить неизвестных стрелков, вояки беспорядочно закружились у мечети, стреляя в темноту куда попало.

* * *

Айбике подбежала с задней стороны двора. Токий сидела как каменная на завалинке и ждала мужа.

– Токий!!! Беги!!! Басмачи идут! Через минуту они будут в ауле! Они придут убивать тебя и твоих детей! Беги! – крикнула Айбике.

Токий мгновенно дернулась с места.

– Айбике, отведи моих детей к валунам, ждите меня там! – Она кинулась к спящим детям. – Девочки мои, цыплятки мои, встаем! Бегите с Айбике, она вас спрячет. Не надо плакать, не надо ничего бояться. Я скоро к вам приду. Все! Бегите!

Одним прыжком жена учителя влетела в чулан, из тайника, известного только ей, выдернула отцовский боевой нож, который ей достался по наследству. Сняла платок и острым лезвием резанула свои волосы с серебряными монетами, чтобы их звоном не обнаружить себя перед врагом. Нож сунула в сапог. Со стены схватила охотничье ружье, ловкими движениями зарядила оба патрона.

«Если вы убьете моего мужа, я за него одного положу трех ваших», – подумала Токий, сжимая мертвенно-бледные губы.

Затем, скинув калоши, оставшись в одних масэ, дочь степного воина, как дикий зверь, бесшумно ступая, почти ползком направилась туда, где уже слышались пьяные выкрики басмачей.

Токий знала все ходы, канавки и ложбинки вокруг школы. Она незаметно, по-кошачьи приблизилась к месту действий, сжимая в руке ствол ружья. Женщина сползла в водоотводную канаву и, заняв удобную позицию, стала наблюдать.

Красавчик Жанарбек, вытанцовывая на своем мощном коне, издевался над плененными, кривя пьяный рот. Она понимала, почему этот молодой мужчина испытывал особую злость к ее мужу. Тогда, несколько лет назад, она отказала ему. Жанарбек и вся его семья были оскорб-

лены, что девушка предпочла им, богатым, какого-то нищего сына муллы. Теперь красавец мстил от всей души.

«Вот ты и будешь первым, – подумала Токий, осторожно вытаскивая нож из сапога и, как учил ее отец, не спеша, но точно метнула в красавчика. Нож попал в цель, блеснув дорогой рукояткой. Жанарбек медленно сполз с седла и повис одной ногой в стремях. Никто ничего не понял, только Ахмет увидел и узнал рукоятку ножа. Он вздрогнул. Токий тем временем взяла в руки ружье и положила палец на курок, высматривая следующую жертву. Ее взгляд наткнулся на одинокую фигуру с ружьем, она узнала больного отца Айбике. Мужчина, не прячась, открыто, широко расставив ноги, стоял на дороге. Старик бахнул из ружья раз, следом сразу второй. Басмачи от неожиданности заметались.

– Эй! Убийцы! Я здесь! – громко крикнул Турсун-ага и почему-то рассмеялся так громко, что по ночной степи разнеслось эхо. Токий поняла, что старик таким образом старается отвлечь противника на себя. Жена муллы видела, как на него упала веревка, как затянулся узел, и басмач с лысой головой поволок тело по земле.

«Все! Умер Турсун-ага, – пронеслось в голове. – Нет, не умер! Погиб! Выпросил-таки у Всевышнего геройскую смерть!» – И, прицелившись в голову уходящего всадника, спустила курок. Лысый ткнулся лицом в гриву. Конь басмача неожиданно остановился, будто не хотел тащить двух покойников.

Бандиты врассыпную кинулись искать неизвестного стрелка. Ахмет понял, кто стреляет. Он с диким криком, в иступлении, схватил деревянную лестницу и кинулся, перерезая путь нападавшим, чтобы хоть как-то помешать им. Но силы были неравны. Пьяная толпа вооруженных винтовками и плетями всадников и два мирных безоружных парня. Первым упал Амантай, он вскинул руки в попытке схватить вражеского коня за уздцы, хотя бы на одну секунду задержать убийц – вдруг это мгновение спасет чью-то жизнь...

Падая, сраженный пулей, Амантай мертвой хваткой держал уздечку, и конь застопорился, споткнувшись об него. Кто-то из басмачей, увидев это, выпустил очередь. Тело лучшего друга безжизненно повисло на упряжке.

Ахмет сразу понял, отчего в груди стало так горячо. Он покачнулся, прижимая руку к сердцу, в последний раз глубоко вздохнул и упал лицом к небу. Его раскосые глаза застыли, глядя на вечные звезды.

* * *

Два друга, Ахмет и Амантай, лежали рядом.

Старый атаман спешил к погибшим. Наклонившись над учителем, он начал тихо разговаривать то ли с убитыми, то ли сам с собой:

– Вот как все перевернулось. Ты был сыном моего друга, а мне пришлось убить тебя! С твоим отцом мы выросли вместе. – Он встал перед телами убитых на одно колено и, шепча заупокойную молитву, ладонью закрыл их мертвые глаза.

Затем поднявшись в седло, атаман сухо отдал команду своим бойцам:

– Сжечь все дотла, и уходим! Здесь не должно остаться... – Он не успел договорить фразу, бахнул выстрел, и старый командир медленно повалился на один бок. Он крутанул головой, выискивая звериным взглядом своего убийцу. На мгновение Токий показалось, что глаза их встретились и что старик глянул ей прямо в душу своим цепким мудрым взглядом.

До последнего воин держался за гриву своего преданного коня. Рука его упорно тянулась к винтовке. Оскалив в бессильной злобе рот, он пытался удержаться в седле, судорожно сжимая пальцы. Старый басмач не собирался сдаваться, изо всех последних сил он пытался поднять винтовку и выстрелить в своего убийцу, но жизнь покинула его. Тело атамана, безжизненно вывалившись из седла, оказалось на земле рядом со своими жертвами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.